

УДК 81'367.624.4

НАРЕЧИЕ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ СКАЗКИ

М.А. Кравчиньска

Аннотация

Статья посвящена темпоральным наречиям, используемым в фольклорном тексте сказки. Отмечено, что эти наречия могут быть конкретным показателем времени (указывать на определённый момент или на длительность действия) или служить для соотношения действий на оси времени. Выделены и описаны наречия со значениями предшествования, последовательности, настоящего времени, мгновенности, повторения и результата действия.

Ключевые слова: темпоральное наречие, фольклорный текст сказки, время.

Время представляет собой весьма широкое понятие. Его можно изучать во многих направлениях, таких как философия, физика или лингвистика. В лингвистико-морфологическом контексте русского языка оно опирается на представления о личной форме глагола, которая позволяет подразделять действие на прошлое, настоящее и будущее. Однако время проявляется в языке не только посредством глаголов. Каждое высказывание содержит временной элемент. Описывает темпоральную характеристику высказывания, в частности, польский лингвист Р. Гжегорчикова [1, с. 137–144]. Её исследования имеют прагматический характер и в первую очередь указывают на вневременность определённых предложений. Так, к примеру, перформативы типа *обещаю, извиняюсь, клянусь*, интенциональные предложения с *я думаю* или условные предложения, касающиеся продуманных отправителем действий и их взаимозависимостей, являются вневременными или темпорально ограниченными, так как они могут быть употреблены лишь в одном грамматическом времени.

В работе польской исследовательницы нас особо интересуют способы определения времени событий, так как среди них значительное место занимают наречия времени, которым посвящена настоящая статья. Указывать время событий можно путём дейктической темпорализации, то есть путём отнесения события к моменту акта речи. С этой целью употребляются прежде всего следующие наречия: *сегодня* ‘в день, когда говорю’, *завтра* ‘на следующий день после того, когда говорю’, *вчера* ‘в день перед днём, когда говорю’. Указывать время можно также путём локализации события по отношению к другому событию, что выражают так называемые *анафорические наречия*, такие как, например, *тогда, в то время, накануне* и т. п. [1, с. 143].

К анализу наречий обращаются и другие учёные. Однако в большинстве работ наречия являются лишь одним из примеров, используемых для более наглядного представления описываемого явления. Так, Е.В. Падучева исследует семантику времени, закреплённую в глаголе, и семантику нарратива. В её работе наречия времени являются примером эгоцентричных элементов языка [2]. У Е.С. Яковлевой время рассматривается как время жизни, ввиду чего анализируемые ею единичные наречия относятся к области циклического и линейного времён [3]. В свою очередь, А.В. Бондарко посвящает одну часть своей работы аспектуально-темпоральному комплексу, который изучает в области функциональной грамматики [4].

Наречия, указывающие на время (темпоральные наречия), являются одним из основных способов передачи временной информации. Они присутствуют в большом количестве текстов (как письменных, так и устных). Как оказалось, ими богат фольклорный текст сказки, который в этой области не изучен. Только один исследователь – М. Надель-Червинская – в своей работе упоминает о функционировании и значении наречий в фольклорном тексте сказки [5]. В настоящее время не существует работ, которые детально описывали бы наречные единицы, используемые в фольклорных текстах.

Для построения темпоральных отношений в фольклорном тексте сказки используются наречия и грамматическое время. Однако в фольклорном тексте сказки присутствует ещё одно, особенное время – так называемое сюжетное, то есть время, сформированное при помощи сюжетов, из которых состоит текст сказки. По Д.С. Лихачёву, сюжетное время может быть «замкнутым» (не связанным с историческим временем и совершающимся только в пределах сюжета), а может быть и «открытым», включающим в своё течение события за пределами сюжета, связанные с какими-либо историческими моментами [6, с. 214].

К тексту сказки, конечно, имеет отношение прежде всего «закрытое» время: «Сказочное время не выходит за пределы сказки. Оно целиком замкнуто в сюжете. Его как бы нет до начала сказки и нет по её окончании. Оно не определено в общем потоке исторического времени. <...> Сказка начинается как бы из небытия, из отсутствия времени и событий: *жил да был, было у царя три сына, в некоем царстве, в некоем государстве...* заканчивается сказка не менее подчеркнутой остановкой сказочного времени; сказка кончается констатацией наступившего «отсутствия» событий: благополучием, смертью, свадьбой, пиром. <...> Заключительное благополучие – это конец сказочного времени» [6, с. 226–227].

В свою очередь, для отсчёта времени между началом и концом сказки есть специальные формулы. Одни формулы отсчитывают время от эпизода до эпизода (например, *через год, на следующее утро*), тогда как другие (*долго ли, коротко ли* или *скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается*) служат замедлению определённого момента во времени и остановке его там, где не совпадают длительность событийного времени и быстрота рассказа о данных событиях [6, с. 225].

Время в сказке измеряется не только определёнными формулами (по Д.С. Лихачёву), но и наречиями. Исследуя темпоральные наречия в текстах русской народной сказки (опубликованных А.Н. Афанасьевым), в ходе их грамматического и семантического анализа мы выделили две большие группы: первая

охватывает разнообразные единицы, отвечающие на вопросы *когда?* и *как долго?*; вторая содержит наречия, формирующие в тексте временные соотношения между событиями (предшествование, последовательность, повторение, мгновенность, конец, настоящее время).

Первая группа включает в себя наречия, называющие определённый момент в потоке времени либо его отрезок (наречия времени, отвечающие соответственно на вопросы *когда?* и *как долго?*). Аналогичное подразделение (в более широком смысле) встречаем и у Е.В. Падучевой, которая различает *показатели времени и длительности*, отвечающие на вопросы *когда?* и *в течение какого времени?* [2, с. 167–168]. Кроме этих двух показателей она выделяет также *показатель срока завершения* и *показатель намеченного срока*.

К подгруппе наречий, обозначающих момент или отрезок времени, принадлежат, например, следующие элементы сказочного текста:

Рано утром она вскочила, схватила гусочку, оципала её, съела (Аф., с. 12); *Однажды* лиса украла лошадь (Аф., с. 19); *Ночью* лисонька украла и барашка, а поутру требует, чтобы за него отдали ей бычка (Аф., с. 20); В этой яме разбойники кашницу *недавно* варили, и оставалось в ней ещё довольно-таки огня (Аф., с. 64); *Пойду теперь* и возьму её замуж (Аф., с. 85); А вот *нынче* суббота, у моего отца девишник – пир да веселье; пойдём лучше, попьём, погуляем вечером, а *завтра*, хоть и воскресенье, пойдём – так и быть – на суд праведный (Аф., с. 93); *Наутро* старуха мужу говорит (Аф., с. 115); *Сегодня* покормлю, *завтра* покормлю, а *послезавтра* улечу за тёмные леса, за высокие горы! (Аф., с. 123); Показалось ему, что пробыл он у нечистого в гостях всего-навсего три дня, а на самом деле пробыл у него три года; срок отпуску *давным-давно* кончился, а в полку, чай, в бегах его считают (Аф., с. 275).

Среди наречий, определяющих время по принципу *когда*, мы находим немало примеров слов, указывающих на части суток и времена года, например: *Поутру* лисичка-сестричка собралась в дорогу (Аф., с. 12); *Вечером* красная девица погнала стадо домой (Аф., с. 47); Дело-то было *зимой* (Аф., с. 11); *Зимой* всюду бродят волки да медведи (Аф., с. 70); Вазуза *весною* раньше просыпается и будит Волгу от зимнего сна (Аф., с. 112). Частотность вышеприведённых единиц связана с тем фактом, что в тексте сказки проявляется цикличность, свойственная обрядности, сохраняемой в фольклоре.

В подгруппе наречий, отвечающих на вопрос *как долго?*, выделяются наречия *долго*, *недолго*, *коротко*, указывающие на некий приблизительный отрезок времени: *Что она там долго с петухом не может управиться?* (Аф., с. 78); *И бежал он долго ли, коротко ли, наконец прибежал в государство царя Афрона* (Аф., с. 333); *Темнота продолжалась недолго* (Аф., с. 129); *Пошёл в чистое поле; долго-долго шёл, на пустом месте стоит изобка, а в изобке сидит старая старуха* (Аф., с. 364).

Среди наречий этой группы встречается также конструкция *много ли, мало ли*. *Много* и *мало* в первую очередь обладают количественными характеристиками. По Аристотелю, время может быть количеством, ибо время – это количественная сторона движения, это количество движения в отношении к тому, что *раньше*, и к тому, что *позже* [7, с. 105–108]. Таким образом, оно может определять, «сколько места» занимает в нём действие, что в текстах сказки отображено следующей

конструкцией: *Ни много, ни мало прошло времени* (Аф., с. 88). Поскольку вопрос *как долго?* интуитивно дополняется понятием «что-то делать», отвечающие на него наречия относятся к глаголам.

Описать все лексемы данной группы не представляется возможным в настоящей статье ввиду их многочисленности. Однако отметим, что здесь встречаются: 1) точные и неточные определения времени, такие как *сегодня, завтра, вовремя и однажды*; 2) определения времени суток – *ночью, утром*; 3) выражения, которые относятся к моменту речевого акта: *недавно*. Можно среди наречий этой группы выделить синонимичные пары – *рано утром* и *позднее, теперь* и *нынче, однажды* и *раз*. Все они употребляются в начале высказывания как обстоятельство времени, занимают позицию либо при существительном-субъекте, либо при личной форме глагола. Е.В. Падучева обращает внимание на то, что в семантике обстоятельства времени закреплена точка отсчёта [2, с. 167], поэтому оно может выполнять дейктические функции. Например, в предложении *в этой яме разбойники кашку недавно варили, и оставалось в ней ещё довольно-таки огня* (Аф., с. 64) наречие *недавно* не относится к близкому прошлому всех людей, но лишь к прошлому персонажа, который находится в данном месте в определённое время. И на его оси времени оно отсчитывается как *недавнее*.

Вторая группа темпоральных наречий выделяется по принципу соотношения одного действия с другим. Как заметила Е.С. Яковлева, время состоит из действий, они создают время, а без них оно *абстрактно* [3, с. 96]. В сказке события преобладают. Они происходят не случайно, а в определённом порядке, и данную очерёдность можно представить в основном с позиции *раньше – позже*. Наречия, входящие в состав данной группы, указывают на последовательность событий. В основу подразделения мы положили классификацию Р. Гжегорчиковой [8, с. 108–109]. Итак, здесь можно выделить шесть подгрупп: 1) наречия со значением предшествования; 2) наречия со значением последовательности; 3) наречия со значением повторения действия; 4) наречия со значением мгновенности/неожиданности; 5) наречия с результативным значением; 6) наречия с основным значением настоящего. Представим краткую характеристику указанных подгрупп.

Приведём примеры наречий со значением предшествования: *Я прежде была лисица-девица, а теперь замужня жена* (Аф., с. 51); *Сперва сел на весы Иван-царевич, а потом и ведьма полезла* (Аф., с. 112); *Царь наперво созвал большого Семёна* (Аф., с. 256). Наречия данной подгруппы описывают то, что было до момента речи, указывают на первенство действия или определяют порядок действий. Они в некоторой степени синонимичны друг другу. Так, наречие *сперва* можно заменить лексемой *сначала*, а *прежде* – *раньше*.

Слова *по-прежнему* и *по-старому* заключают в себе замкнутую «круговую» структуру. С одной стороны, они указывают на неизменность одного из элементов действительности (*У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная; пришла весна красна – у лисицы растаяла, а у зайчика стоит по-старому* (Аф., с. 26)), с другой – на возвращение к первоначальному состоянию. Так, в сказке «Правда и Кривда» Правда соглашается отдать свои глаза, если окажется не права. До этого и доходит: Правда остаётся без зрения. Только проведение

определённой процедуры позволяет ей вновь прозреть: *Правда нарвала травки и давай тереть глаза; потёрла один, потёрла другой – и стала видеть **по-прежнему*** (Аф., с. 156–157).

Следующая подгруппа – наречия со значением последовательности: *Побежала вперёд; **потом** ещё на пенёк села и другую курочку съела, **затем** третью* (Аф., с. 34); *Пойду хоть воды принесу – **ужо** вместо щей похлебаю* (Аф., с. 328); *Волк эту быль мне сам рассказывал и заверял, что **вперёд** никогда не станет жить вместе с лисою* (Аф., с. 25). Наречия последовательности указывают на то, что было сделано после предшествующего действия, или на то, какие есть намерения на будущее. Среди них наибольшей частотностью употребления отличаются лексемы *после* и *потом*. В одном ряду с ними стоит также (хотя и реже употребляемое) *затем*. Использование нескольких синонимов позволяет избежать повторов при перечислении наступающих последовательно действий. Интересным является употребление в тексте сказки наречия *вперёд*, основная дефиниция которого относится к пространству. Однако в разговорной речи оно может выступать как наречие времени и тогда означает ‘впредь, на будущее время’ [9, с. 101]. А поскольку народная сказка, как традиционный текст, содержит просторечные элементы, то мы встречаем в ней также просторечное *ужо*, означающее ‘потом, позже’ [9, с. 830].

Стоит также отметить тот факт, что наречия первой и второй подгрупп могут выступать в тексте сказки вместе. Это связано с тем, что они обозначают определённые точки на одной линии, а также создают причинно-следственный ряд: *Но дурак говорил ей, чтоб она **прежде** своё обещание исполнила, а **потом** он её отпустит* (Аф., с. 321); *Отец и мать **сперва** не пускали его, но **после** пустили* (Аф., с. 187); *Дай-ка мне **наперёд** воды – глаза промыть, накорми меня, напой, да **тогда** и спрашивай* (Аф., с. 238).

Наречия со значением предшествования и последовательности создают пары: *прежде – потом, сперва – после*. Конечно, они допускают в текстах замену другими наречиями (*раньше – сначала и затем – позже*), но при этом временное отношение между «случившимся перед чем-либо» и «после чего-либо» очевидно. Редко, но возможно употребление вместо *потом* и ему подобных единиц наречия *тогда*.

Третью подгруппу составляют наречия со значением повторения действия: *Кочешок **опять** рос, рос, до потолка дорос; старик **опять** взял топор и вырубил на потолку прямо кочешка дыру* (Аф., с. 31); *Старуха **снова** спрашивает: «Далеко ли, старичок?»* (Аф., с. 31); *В другой раз размахнулся Иван Быкович сильнее прежнего и срубил чуду-юду шесть голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем – и **опять** все головы на местах* (Аф., с. 227).

Данная подгруппа наречий указывает на повторяемость определённого действия. Что-то случается не в первый раз, а в очередной; некое поведение героя характеризуется цикличностью – в силу того, что повторяется по несколько раз и является действием, тождественным с предыдущим(и) или похожим на него (на них). Повторение заложено в самом строе сказки и неразрывно связано с развитием сюжета.

Четвёртая подгруппа – наречия со значением мгновенности/неожиданности: *Поехали вчетвером и запели песни. **Вдруг** переломилась у них оглобля* (Аф., с. 19);

Колобок полежал-полежал, да вдруг и покатился (Аф., с. 46); *Лиса бросилась вдруг в сторону, да головой прямо об камень, и кувшин в мелкие черепки разбила* (Аф., с. 62); *Какой бы ни был стар человек, а съест яблочко – **вмиг** помолодеет!* (Аф., с. 111); *Иван Быкович вынул червонец и подаёт старухе; она не берётся за деньги, а берёт его за руку и **вмиг** с ним исчезла* (Аф., с. 229); *На третью ночь пошёл в сад караулить Иван-царевич и сел под ту же яблонь; сидит он час, другой и третий – **вдруг** осветило весь сад так, как бы он многими огнями освещён был* (Аф., с. 331).

Время течёт, действия идут своим чередом, когда внезапно и помимо нашего вмешательства наступает некое изменение: что-нибудь ломается, либо неожиданно приводится в действие, либо исчезает, часто внезапно появляется определённый персонаж. Эта мгновенность и неожиданность показаны прежде всего с помощью наречия *вдруг*, реже – синонимичным *вмиг*. В их семантике – и быстрота действия, и короткий срок его исполнения, а также отсутствие подготовки к его исполнению [1, с. 90]. По Аристотелю, например, *вдруг* относится к ситуации, возникшей в такой короткий срок, что он нам кажется неуловимым [7, с. 113]. Нельзя не согласиться с тем, что, когда *вдруг* случается что-либо, возникает ощущение, как будто наступил «перескок».

Приведём пример наречий с результативным значением: *Дружину свою и детей голодом поморил, а сам от него **вконец** погинул* (Аф., с. 102); *Стал он просить Солнцева сестрицу, чтоб отпустила его, добра **молодца**, на родину понаведаться. Она его не пускает, а он её упрашивает; **наконец** упрости-таки, отпустила его на родину* (Аф., с. 111); *Собралось на царский клич множество князей, бояр и всяких господ; думали-думали – никто не может сна растолковать, никто не берётся коня достать. **Наконец** доложили царю, что у такого-то нищего старичка есть сын Иван, который может сон растолковать* (Аф., с. 232).

Семантика этой группы наречий связана с понятием *конца*, однако надо отметить, что они связаны не с окончательным, а с неким промежуточным результатом главного действия. Наречия с результативным значением мы относим к разряду завершения определённых действий, что в то же время не прекращает развития действия и допускает появление следующего действия после них. Первый наш пример, правда, указывает на абсолютный конец действия, однако обычно данное наречие определяет конец стремления к достижению желаемого момента на фоне действия целостного и длящегося.

Шестая группа – наречия с основным значением настоящего: *Я **теперь** и сыта и пьяна, хочу вдоволь насмеяться!* (Аф., с. 81); ***Теперь** отдохнуть бы не худо* (Аф., с. 192); *Отчего ты, Иван-царевич, **нонче** заплаканный?* (Аф., с. 111); ***Сейчас** моя матушка придёт; куда тебя спрятать от неё?* (Аф., с. 249); *Как ты смел с отравой пирог изготовить, **сейчас** велю тебя казнить лютою казнию!* (Аф., с. 163); *Кругом у дворца всё солдаты стоят с ружьями да с пушками, как летит чёрт к царице – **сейчас** бьют в него и палят, а убить не могут!* (Аф., с. 160); *Царица на неё и не смотрит – **сейчас** застрелила бы её* (Аф., с. 178); *Царь состарился и помер, а корону принял Иван-царевич. Как узнали про то соседние короли, **сейчас** собрали несчётные войска и пошли на него войною* (Аф., с. 309); *Кто яблочко сорвёт – тот **сейчас** лопнет* (Аф., с. 229);

Бык увидал её и **тотчас** прижал к стене рогами, а баран зачал осаживать по бокам; из лисы и дух вон (Аф., с. 78); Иван-царевич разъехался на своём богатырском коне и ударил змея – **сразу** его убил (Аф., с. 367).

Наречия, вне контекста являясь показателями настоящего, в смысловом оформлении предложения необязательно сохраняют значение ‘настоящее’. Данная группа богата различными синонимами к исходной её лексеме *теперь*, которая была для многих философов основой рассуждений о времени на протяжении веков, в том числе для Гуссерля [10] и Хайдеггера [11]. Лексема *теперь* связывает время, соединяя прошлое с будущим. В тексте это также семантическая граница времени, соединяющая начало будущего с концом прошлого и в то же время, по Аристотелю, разделяющая их [7, с. 112]. Когда в текстах народных сказок говорится о разведении огня, о выступлении в поход либо о пожелании благополучной жизни молодым, данное наречие имеет значение очень близкого будущего. В примере *Я теперь и сыта и пьяна...* заметна, в свою очередь, соотнесённость с прошлым, так как, чтобы быть сытой и пьяной в отрезке настоящего – во времени, когда лиса об этом говорит, – она должна до этого и поест, и попить.

Лексема *теперь* – это не единственное слово в текстах сказок для обозначения настоящего. То же значение передаёт и просторечное *нонче*, вариант слова *нынче*. Лексема *нонче* (*нынче*) включает в себе три значения настоящего: ‘теперь’, ‘в текущем году’, ‘сегодня’ [12]. Особо в этой группе следует выделить наречия *сейчас* и *тотчас*, которые создают ощущение мгновенности и в то же время одновременности осуществления действия так же непосредственно, как делает это наречие *сразу*. Тем самым они являются значимыми показателями настоящего момента, потому что делать что бы то ни было, например, *тотчас* – значит сделать это *сейчас же*, *сразу* [9, с. 807]. Нельзя не обратить внимание на то, что в примерах *сейчас моя матушка придёт...* и *сейчас мимо вас пройдёт царь...* лексема *сейчас* указывает на близкое будущее. Наречие *сейчас* имеет три значения и может сочетаться с глаголами в прошлом, настоящем и будущем времени. Соотношение данного наречия с грамматическим временем на нескольких уровнях описывает Е.В. Падучева [2, с. 271–275].

На первый взгляд может показаться, что представленная нами классификация построена только на линейном времени. Лексемы *зимою*, *ночью* и т. п., которые сами по себе указывают на цикличность (если *зимою*, то после осени или перед весной, то есть по кругу времён года; если *ночью*, то после дня и перед следующим днём), в контексте оказываются точками на оси времени.

В работе Е.С. Яковлевой представлены мнения многих учёных, которые противопоставляют линейное время цикличному, ссылаясь на то, что время есть стремление и оно ведёт до конечного пункта [3, с. 97–101]. Напротив, есть учёные, которые не исключают одновременное присутствие этих двух времён, тем более когда речь идёт о фольклорном тексте сказки, где проявляется мифологическое время. «Цикличность же мифологического времени – не просто следование природным солнечным, лунным, вегетативным циклам (времена года, фазы луны, суточное время), но и преобразование линейного (исторического и жизненного) времени в циклическое, вовлечение его в круговорот “вечного возвращения”» [13, с. 62]. Е.М. Мелетинский утверждает, что для нас мифическое

время непонятно, мы не замечаем его черты *первенства* для любых дальнейших событий, которые естественно исходят из мифа: «Мифическое прошлое как универсальный первоисток... оно – священное хранилище не одних лишь первообразов, но магических и духовных сил, которые продолжают поддерживать порядок в природе и обществе» [14, с. 174].

Сказка – фольклорная картина мира, в которой заложена дихотомия времени. Е.С. Яковлева, используя в качестве примера наречия *ныне*, *нынче* и *сейчас*, *теперь*, показывает, что они принадлежат к разным моделям времени. В *ныне* предполагается повторение, а оно свойственно цикличности, тогда как *сейчас* употребляется для указания единичности действия [3, с. 174–180]. Таким образом, наречия подгруппы с основным значением настоящего мы могли бы подразделить на единицы, указывающие на цикличность, и единицы, указывающие на линейность времени. Наличие и многочисленность в фольклорном тексте сказки единиц, принадлежащих к двум моделям времени, подтверждают особый характер этого жанра и сохраняют свойственную ему цикличность.

Итак, важно иметь в виду следующие характеристики сказки: она содержит в себе развлекательный элемент, отражает общечеловеческие социальные ценности и понятна всем, особенно когда она построена на интернациональном сюжете. Он, правда, может иметь несколько вариантов в зависимости от того, где и кем использован, но эти вариации не мешают его распознаваемости [14, с. 5–6]. Ещё одна важная черта – неопределённость сказочного времени (как и места). Сказать, например, что *это случилось в 1469 году в Великом княжестве Московском*, невозможно [15, с. 264–265]. Неопределённость времени и места – свойство, позволяющее сохранить актуальность содержания, передать образцы человеческого поведения в обществе, общие понятия и «вечные, неуязвимые ценности» [14, с. 7]. Как показывает наше исследование, наречия времени – успешный способ для соотнесения событий между собой, не требующий конкретного исторического времени.

В тексте сказки кроме рассмотренных нами темпоральных наречий встречаются и другие адвербиальные единицы. Принимая во внимание тот факт, что сказка пользуется особым языком, имеющиеся в ней наречия можно также изучать с точки зрения создаваемой ими стилизации. Текст народной сказки во многом ещё не изучен. Одна только «наречная» область, избранная нами, открывает исследователю широкий спектр возможностей её изучения.

Summary

M.A. Kravchinska. Adverb as a Means of Forming Temporal Relations in the Texts of Russian Folk Tales.

The article deals with temporal adverbs used in the texts of folk tales. It is pointed out that these adverbs may be concrete indicators of time (specify a certain moment or duration of an action) or serve for correlation of actions along the time axis. The paper distinguishes and describes adverbs denoting precedence, sequence, present, momentariness, repetition and result of actions.

Keywords: temporal adverbs, text of a folk tale, time.

Источники

Аф. – *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: в 3 т. – М.: Наука, 1984. – Т. 1. – 511 с.

Литература

1. *Grzegorzyczkowa R.* Wprowadzenie do semantyki językoznawczej. – Warszawa: PWN, 2001. – 184 s.
2. *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки славян. культуры, 2010. – 480 с.
3. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
4. *Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Языки славян. культуры, 2002. – 736 с.
5. *Надель-Червинская М.* Структурно-семантические модели русской фольклорной сказки. – Тернополь: Крок, 2011. – 282 с.
6. *Лихачёв Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979. – 352 с.
7. *Аристотель* Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – 687 с.
8. *Grzegorzyczkowa R.* Funkcje semantyczne i składniowe polskich przysłówków. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1975. – 134 s.
9. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: А ТЕМП, 2010. – 874 с.
10. *Гуссерль Э.* Собрание сочинений. Т. 1: Феноменология внутреннего сознания времени. – М.: Гнозис, 1994. – 162 с.
11. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
12. *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/198243/нынче>, свободный.
13. *Толстая С.М.* Аксиология времени в славянской народной культуре // История и культура. – М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1991. – С. 62–66.
14. *Пропп В.Я.* Русская сказка. – М.: Лабиринт, 2005. – 384 с.
15. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – 406 с.

Поступила в редакцию
30.05.13

Кравчиньска Магдалена Анна – преподаватель кафедры истории русского языка и славянского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: magdakrawczynska@o2.pl